

5 февраля 1982 года

ВНУТРЕННЕЕ СОЛНЦЕ ПОЭТА

СКОЛЬКО ни пытаюсь, не могу припомнить, когда впервые услышал имя — Пушкин...

А возможно, было иначе — прежде он явился в образе чудесного дня, озаренного солнечным морозом? «Мороз и солнце! День чудесный...»

Может быть. Потому, что когда позже, уже в школе, читали:

Пока свободой горим,
Пока сердца для чести

живы,

Мой друг, Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы! — я знал: это — он, Пушкин. Тот самый, который, обращаясь к близким, сердечным друзьям, вознес гимн святым узам товарищества:

Друзья, прекрасен наш союз!

— тот самый, который восславил свободу в жестокий век самодержавия и насилия, провозгласив:

Да здравствует солнце!
Да скроется тьма!

Так в моем воображении Поэт и Солнце стали жить рядом, на равных. То и другое воспринималось, как явление природы.

Попробуйте разделить Некрасова и Волгу, Шевченко и Днепр, Шолохова и Дон...

«Пожалуй, то был первый и главный урок, который я получил, прикоснувшись к подлинному искусству: великую поэзию питают великие стихии, мощные борения человека, готового отстаивать даже ценой жизни свое достоинство, ибо оно есть дух, окрыленный свободой.

Страстная любовь к правде, готовность бороться за социальную справедливость, стремление к братству — изначальные чувства, которые извечно хранятся в недрах народной души, составляют сокровен-

ную сущность ее, определяют высший смысл человеческого существования.

То, что объединяет великих поэтов во времени и пространстве в единую плеяду сынов человеческих, в единую и нерасторжимую поэтическую силу, в единую и бесконечную вселенную, — это революционность и народность их творчества. Поэзия — революция души. Поэты, как мосты, пролегают на нашем жизненном пути. Это — мосты мысли и духа. Мосты, связующие мир в главных нравственно-философских проблемах «единого человеческого общежития» на планете, мосты, по которым идет накопление культурных ценностей и опыта познаний, одухотворенных генетической, глубоко выстраданной идеей гуманизма.

Учить людей человечности — не эта ли сложнейшая и глубочайшая задача литературы, и прежде всего русской, привлекая и продолжает привлекать к ней нашу неизбывную любовь?

Эпиграфом ко всей дореволюционной русской литературе я поставил бы пронзительные, до боли сердечной, прелестные слова Александра Радищева: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала». С этих пор русская литература, смею думать, превратилась в дело гражданского подвига и, все более осознавая себя общественным поприщем борьбы за человека, взяла на себя роль поистине героическую. «Одна — но пламенная страсть» — неутолимая жажда свободы — стала ее пафосом, залогом, в конечном счете, ее непреходящей современности, ибо высокий, подчас беспощадный реализм русской литературы явился прежде

Чингиз АЙМАТОВ,

Герой Социалистического
Труда, лауреат
Ленинской премии

всего воплощением ее идейной зрелости, в частности, сокровенной идеи дружбы и братства народов.

Мы едины в Пушкине, в Толстом, в Достоевском, в Горьком...

И ТУТ ЖЕ не могу вновь не вспомнить того ошеломляющего, потрясшего меня до глубины сердца впечатления, которое испытал, впервые читая повесть «Лихая година» Мухтара Ауэзова, моего незабвенного учителя и старшего друга, — даже задним числом мне было страшно представить, какой могла оказаться судьба кочевых казахов и киргизов, если бы не Октябрьская революция! И потому только за одно это — за то, что Октябрьская революция, родившись в России, сокрушила имперский колониализм и тем самым спасла народы от физического и духовного прозябания, я готов славить революцию до конца дней своих и детям детей своих завещаю: считать началом дней наших — Октябрь!

И еще об Ауэзове, человеке и художнике. Он прекрасно знал, что никакая литература не может быть «великой» только для себя и у себя дома. Все творчество Ауэзова свидетельствует, как глубоко постиг он опыт русского реализма, широту и культуру европейского мышления... Здесь уместно будет сказать, имея в виду Ауэзова: русская классическая, русская советская литература были и остаются для нас первейшим источником мастерства и идейной целеустремленности, школой гуманиз-

ма, поднявшего значение и цену человеческой личности.

Абай с гордостью заявлял, что он не только сын казаха, но прежде всего сын человека.

Эта мысль несомненно могла родиться лишь в сердце человека, вдохнувшего воздух нового, «прекрасного и яростного» мира.

ИДЕЯ возрождения человека — она потребовала от искусства, и в частности от молодых национальных литератур, неосценимую роль в становлении которых сыграл великий пролетарский писатель Горький, нового зрения, нового языка, новых способов познания и изображения реальной действительности. Как закономерного единства истории, настоящего и будущего, самого человека, труженика, одержимого жаждой обновления, какой могла оказаться судьба кочевых казахов и киргизов, если бы не Октябрьская революция! И потому только за одно это — за то, что Октябрьская революция, родившись в России, сокрушила имперский колониализм и тем самым спасла народы от физического и духовного прозябания, я готов славить революцию до конца дней своих и детям детей своих завещаю: считать началом дней наших — Октябрь!

Есть ли высшая радость для каждого человека, для каждого народа, чем делиться с другим человеком, с другим народом самым прекрасным, чем он владеет?

Искусство, по словам Толстого, призвано объединять людей.

То, что мы с полным правом о том или ином художнике другого народа говорим наш, — это ли не убедительнейшее подтверждение факта нашего нерасторжимого духовного братства?

Гордиться историей и творчеством своего народа свойственно каждому человеку.

Какой бы невосполнимой утратой для культуры человечества было забвение многих и многих выдающихся поэтов разных эпох и народов! С какой скорбью, пронизывающей годы, звучит для нас жалоба великого грузинского поэта Давида Гурамишвили, назвавшего свою книгу сиротой. Этой книгой была «Беды Грузии». Кто бы с благодарностью и восхищением внимал сегодня голосу талантливейшего импровизатора, непревзойденного певца киргизской земли Токтогула? Сколько великих имен сохранила для нас и возвысила Советская власть!

Невыносимо горько представить, какую глухую, зияющую пустоту в душе ощущали бы мы, если бы лишились «Манаса» — эпоса. По объему он превосходит все известные в мире эпосы. По широте охвата жизненных явлений занимает одно из выдающихся мест среди мировой эпик. Самую большую гордость я испытываю от сознания, что ныне «Манас» стал достоянием культуры всех советских народов.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ есть прежде всего взаимопомощь, взаимодействие на основе идейного единства, мировоззрения, которое Николай Тихонов назвал внутренним солнцем поэта. Наше «внутреннее солнце» — чувство семьи единой, чувство, скрепленное общностью исторической судьбы, духом братства. Вот почему более развитая культура берет на себя обязанность помогать другой культуре.

Один из примеров такой практической, ясной, точной помощи — развитие киргизской кинематографии.

Другой пример — научной помощи. Это история издания

древнетюркского словаря. Без преувеличений можно сказать, что это настоящий подвиг русских тюркологов. Русским ученым потребовалось ровно сто лет, чтобы собрать и расшифровать древние письмена. В словарь входит более 20.000 слов и фраз в переводе на русский язык. Русские ученые нам вернули утраченный язык предков. Это глубоко интернациональный акт. Возвращенное нам наше богатство. Переводы буддийских текстов, манихейских, христианских книг, переводы на древнетюркский язык с китайских и персидских источников. Много зороастрийских текстов, поэма Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг», положившая начало тюркской письменной поэзии, словарь Махмуда Кашгарского XI века. Вот это для меня пример интернационализма! Расшифрована каждая буква! Где мы еще такой пример найдем?

А создание беспрецедентной в истории человечества единой многоязыкой и многонациональной советской художественной культуры, вобравшей в себя все лучшие достижения больших и малых народов и всей мировой культуры? Она не могла возникнуть в век феодализма или, скажем, капитализма: для этого просто не было необходимых общественных предпосылок. Эта закономерность, органично связанная с самими коренными чертами нашего строя, существует независимо от того, отрицает ли ее кто-либо или утверждает. Но художник, если он по-настоящему задумывается над глубинными проблемами нашей эпохи, не может не отражать в своем творчестве этой принципиальной закономерности нашей жизни.

Опыт литературы и искусства убедительно свидетельствует, что лучшие национальные произведения искусства, как правило, несут в себе большие общечеловеческие идеалы, проблемы, омысленные с идейных позиций советского человека, с точки зрения наших взглядов на социальную борьбу, на историю и современность, на личность и общество.

В СВОЕ ВРЕМЯ нас, вступающих в литературу писателей, заставили серьезно поразмыслить и над жизнью, и над своим призванием очерки В. Овечкина, «Судьба человека» М. Шолохова, «За далью — даль» А. Твардовского, повести В. Тендрякова...

Литература вдруг сделала огромный рывок вперед. Вышли в свет произведения уже известных писателей, появились и совершенно новые имена. Этих новых для читателя имен было очень много. Я не стану их перечислять. Назову лишь несколько писателей, чьи произведения произвели на меня особенно сильное впечатление (другой бы, может, назвал другие имена: есть из чего выбирать) — это Ю. Бондарев, Г. Бакланов, В. Богомолов. Мне они близки еще и тем, что мы вступили в литературу почти одновременно.

Как бы второе рождение пережили тогда многие признанные писатели — Н. Асеев, В. Луговской, Н. Заболоцкий, Я. Смеляков, П. Нилин... Шумно и активно выступили молодые поэты и прозаики, об их творчестве много дискутировали. В общем, литература второй половины 50-х — начала 60-х годов внесла значительный вклад в наше гражданское и художественное развитие.

Ни с одним из ставших тогда известными писателей я не был знаком лично, но и в республиках, далеко от Москвы, мы жадно следили за всем новым, что появлялось в литературе, горячо отзывались на споры — и споры эти давали толчок собственной мысли.

Смею думать, мы учились друг у друга, так сказать, заочно, зачастую стремясь к экстерному пробежать путь, на преодоление которого требовались порой годы и годы... По этой причине нередко случались и досадные, но неизбежные в процессе роста издержки, но была безоглядная дерзость, зазор, риск, чему мы в меру своих сил учились у старших в семье писателей, зная в то же время, что при всем добросердечии, внимании к нам суд их строг и неуклончив. Дружба рождалась не вдруг. Чаще всего трудно. Ты должен был доказать на нее

право трудом, самозабвенным и самоотверженным. И если тебе удавалось в результате добыть правду о жизни, хотя бы крупицу, — тогда только...

Теперь я могу сказать, что самое верное в дружбе и взаимопонимании людей — общность их интересов и убеждений. И еще — постоянная потребность поделиться сокровенными мыслями, когда сколько-нибудь серьезное наблюдение или открытие, сделанное для себя, бережешь с тем, чтобы при случае непременно поведать об этом уважаемому тобой человеку. И в том находишь духовное удовлетворение, ибо для тебя это чрезвычайно важно — услышать в ответ мнение друга. Отсюда, как от ручейка, зачастую берет начало река большого разговора о жизни, обо всем, чем болит и живет душа, разговора, под впечатлением которого находишься долгое время. Иногда всю жизнь, зная, что не забудешь слова, подаренного именно тебе, значит, и ты был тем единственно необходимым другом, для которого оно береглось. Слова, способные дать «второе рождение». Оно может быть высказано не обязательно в интимной беседе. Такие идущие от самого сердца к сердцу слова я ишу и нахожу в книгах моих друзей. Так я читаю Е. Евтушенко, А. Вознесенского, К. Кулиева, Р. Гамзатова, М. Карима, Д. Кугультинова, В. Быкова, О. Гончара, С. Залыгина...

НЕ ТАК ЛИ — по слову — рядовой, как принято выражаться, читатель отыскивает «своего» писателя, становясь для него, по мысли Твардовского, другом и высшим судьей?

Чувство семьи единой, возникшее благодаря Октябрю, нужно беречь и укреплять, честно относясь друг к другу, не обманывая (что касается литературы) ожидания читателя, ждущего от тебя правдивого рассказа о «времени и о себе», а стало быть, прежде всего о нем, твоём современном, озаряя его жизнь «внутренним солнцем», помогая ему жить и бороться, чтобы все мы могли оправдать свое величайшее призвание перед будущим — быть человеком.